

*Воспоминания – как островки
в океане пустоты.*

Михаил Шишкин

Трехлетнему Мише строго-настрого запретили трогать стоящие на комодe настольные часы. Часы были красивые, в темном деревянном корпусе с лаконичной резьбой и молочного цвета циферблатом под выпуклым, как рыбий глаз, стеклом. Когда Мишу укладывали спать, в звенящей тишине комнаты раздавалось их едва слышное пощелкивание. Иногда он не выдерживал, бесшумно соскальзывал с кровати, приподнимался на мысочки и прикладывал к ним ухо: тогда щелчки становились громче, к основному ритму добавлялось множество дополнительных, потише. Часы очень нравились мальчику, и он хорошенько усвоил, что в запрете прикасаться к ним заключена гарантия их сохранности. Поэтому каждый раз, когда приходили гости, даже если этим гостем была заглянувшая на минуту соседка, Миша опометью мчался в комнату, хватал с комода часы – довольно тяжелые для трехлетки – демонстрировал их пришедшему и строгим, не терпящим возражений тоном объявлял: «Часы тогить низя!»

Миша был абсолютно уверен, что раз запрет касался только часов, ничего более ценного в доме не было и быть не могло, и самая главная их с родителями задача, их миссия – сберечь часы. На самом

деле никакой особенной ценности они не представляли. Просто они были тяжелые, да еще и со стеклом – опрокинет на себя, ударится, порежется осколками. Миша продолжал таскать часы и запрещать к ним прикасаться, часы исправно отмеряли время: одна стрелка на них была длинная и тонкая, с узкой пикой на кончике, если сесть перед часами и не отводить взгляд, можно было заметить, как она перемещается на следующую черточку из четырех, нарисованных между двумя соседними цифрами. Вторая стрелка была короткая, толстенная, с полым кружочком наверху. По сравнению с длинной соседкой она была очень неповоротливой: как она меняет положение, Мише ни разу не удалось заметить. Но она меняла. День за днем – меняла. И Миша рос. Ему перестали говорить о том, что часы трогать нельзя. Видимо, пока он рос, они потеряли свою ценность окончательно. Но он иногда подходил к ним и проводил ладонью по гладкой лакированной поверхности, тактильно помня каждый ее изгиб. И потом, когда затеяли ремонт и вздумали менять мебель, часы не отдал – забрал к себе в комнату. В комнату, в которую переехал, как только вырос из детской кушетки, приставленной торцом к родительской кровати. Никому не нужные, часы обрели особую – только-для-него – ценность.

По-настоящему важные для нас вещи не имеют никакого материального выражения. Самое ценное

В этих предметах мы всегда маленькие, трепетные, сентиментальные. Эти вещи по-настоящему уникальны, потому что не может быть второго такого же билета в кино, второго такого же сломанного якорька, второго – того самого – зарытого с подружкой секретика.

для нас – как правило, хлам или безделушка для всех остальных. Зарытые во дворе под бутылочным стеклом детские секретики. Невыброшенный билет в кино или посадочный талон. Пластиковое кольцо из подземного перехода. Канцелярская скрепка, случайно оказавшаяся в кармане в особенный момент. Найденный на асфальте алюминиевый якорек с отломившейся петелькой. Латунная гаечка в кармане куртки. Мы состоим из этих предметов – подарков, сюрпризов, секретиков – гораздо сильнее, чем из всего остального. В этих предметах мы всегда маленькие, трепетные, сентиментальные. Эти вещи по-настоящему уникальны, потому что не может быть второго такого же билета в кино, второго такого же сломанного якорька, второго – того самого – зарытого с подружкой секретика. Даже второй такой же скрепки или латунной гаечки, отполированной вашими пальцами в кармане до золотого сияния и сглаженных уголков, во всем мире не существует. Эти вещи – чистый символ, напрочь лишенный малейшего намека на практичность. Ничего более антиутилитарного, чем коробка с «хламом», придумать нельзя. И ни одну из вещей в этой коробке нельзя заменить никаким аналогом. Никаким подобием. Никаким симулякром. Коробка с хламом как одна из главных жизненных ценностей. Пылящаяся на антресоли. Загнанная под кровать. Спisanная в гараж. Оставленная в квартире родителей. Случайные вещи в уникальной комбинации: совершенно не сочетающиеся, странные, эклектичные – наши.

Точно так же с путешествиями. Мы едем за достопримечательностями, за кадрами со страниц из путеводителей, за гарантированными многими поколениями впечатлениями. А спустя годы, кроме фотоподборки на жестком диске и пыльных магнитиков на холодильнике, остаются воспоминания. И это – совсем другие впечатления, не открыточные, не заложенные в путеводителе, случайные, предельно личные. Уличный музыкант на набережной Лиффи, играющий джазовую аранжировку U2. Яркосиняя птица, вышагивающая хитроумный узор среди огромных кедровых шишек на берегу озера Тахо. Подтаявшее мороженое на Унтер-ден-Линден. Кривоватая вывеска «Лодбо пожаровать» в переулках Иерусалима. Неровный платан на острове Маргит. Оливковые ветви над тротуаром по пути к Парфенону. Маленькая букинистическая лавка на Манхэттене – в двух шагах от зияющих на месте башен-близнецов квадратных ран, уходящих в бездну. Покой и умиротворение через дорогу от ужаса и скорби. Все это живет только в нас, в нас одних – и вне нас во всей своей полноте не существует. Даже если мы с кем-то ходим одними и теми же маршрутами, в нас живут совершенно разные миры, разные, ни на чьи не похожие коробки и ящички с важным для нас хламом.

Все эти коробки – и те, что пылятся в гаражах и на антресолях, и те, что спрятаны внутри нас самих, – обладают одной общей волшебной силой. Одной и той же, работающей только с владельцем каждой из них, но работающей без осечек. Совершенно неутилитарной – в духе хранящихся там латунных гаечек и якорьков. Очень простой. Всякий раз, когда владелец этой коробки снимает с нее крышку, он улыбается. Всегда.

